

СУДЬБА ГРАФСКОГО РАРИТЕТА

Об одном утраченном подарке

Наверное, нет ни одного человека, кто бы не любил получать подарки. По разным поводам – от родных, друзей и коллег по работе. Некоторые мы бережно храним, как память о прошедшем празднике или юбилее. Некоторые быстро забываются и прячутся где-нибудь в дальнем углу или на антресолях, и уже никогда и не вспомнить, по поводу чего и, главное, от кого получен тот или иной сувенир. Со мной было, однако, совсем иначе – мой подарок, которым я очень дорожил, восхищался и на который почти молился, потерялся в далеком краю, теперь это уже и в другой стране. Пропал, будто его и не было. Но ведь было, было!..

Война перебросила нашу семью из Москвы в степи Северного Казахстана. Как и всем другим эвакуированным, оказавшимся в незнакомом городе Петропавловске, приходилось выживать, борясь за место под крышей и за кусок хлеба. Но все суровые военные и послевоенные годы мы не оставляли надежды на скорое возвращение в родные пенаты, к своему близким и родным. Правда, возвращаться было некуда – дом наш, сразу после отъезда эшелона с эвакуированными, был насквозь прошит немецкой авиабомбой. В то время в Москве оставалась наша добрая фея, мамина тетя Шура, чьи несчастные посылки с сухарями и какими-то крупами, а то и щеждой помогали нам выживать.

Тетя Анита (слева) и тетя Шура, Москва, Соломенная сторожка. 1948

Сразу после войны мы стали время от времени приезжать в Москву к гостеприимной тете Шуре и проводить у нее летние месяцы. В тихом зеленом районе на окраине Москвы в дачном районе под названием «Соломенная сторожка» забывались все трудности невзгоды и неурюстройства. Регулярно к тете Шуре приезжала ее сестра тетя Анита. Это была серьезная дама, чем-то напоминавшая Фаину Раневскую в «Подкидыше»: с такой же сединой, вышивкой, всегда на каблуках, много курила, говорила

низким голосом, и мы, дети, немного ее побаивались и стеснялись. Может быть, еще и потому, что за глаза другие наши родные иногда называли ее графиней, так как она носила фамилию своего мужа – графа В.Ю. Мусина-Пушкина. Она страдала эпилептическими припадками, и один раз меня попросили сопровождать ее до дома. Мы с ней долго ехали с пересадками на трамваях – метро она боялась из-за своей болезни – потом сошли где-то на Арбате, прошли по Большой Молчановке и свернули в Кривоникольский переулок.

Дом Мусиных-Пушкиных, Кривоникольский переулок, 3. 1932

Дом, где жила тетя, показался мне очень ветхим и неухоженным. Через черный ход мы поднялись на второй этаж. Сразу же тетя Анита предложила мне чай и пошла на кухню. Комната, куда меня пригласила войти тетя Анита, оказалась совсем не графской, как я себе представлял: очень старая и дряхлая мебель, некий во всем беспорядок, прямо посреди большой комнаты – дощатая перегородка, делящая пополам пространство. Пока тетя возилась на кухне, я заглянул за перегородку и увидел, что все стены увешаны фотографиями в рамках разной величины и формы, и под самым потолком совсем древние портреты каких-то лиц в старинных мундирах и платьях – потемневшие и почерневшие. Чай мы пили на кухне. Ничего, кроме старого печенья, тетя мне не смогла предложить, да я и не хотел – как-то было очень стеснительно. Только значительно позднее я узнал некоторые подробности и об этом доме, и о жизни тети Аниты и ее мужа – Всеволода Юрьевича Мусина-Пушкина.

Всеволод Юрьевич Мусин-Пушкин был того же графского рода, из которого вышел и известный историк, нашедший в Ярославле «Слово о полку Игореве», и многие государственные деятели этой фамилии разных эпох. В советское время граф, теперь уже бывший (хотя разве достоинство может быть бывшее?!), писал пьесы под фамилией Пуш-

мин, и некоторые из них шли с успехом в театр Корша, в Москве, и в провинции пока не задерживались под следствием в Бутырках. Ещё в юности Семён Пушкин, как звали его товарищи, был дружен с Алексеем Толстым, будущим писателем, с которым учился в Сызранском реальном училище, с которым одной с ним партой.

Всеволод Мусин-Пушкин, Сызрань. 1902

Ещё до своей эмиграции Толстой проживал неподалеку от дома в Кривоникольском переулке, на Малой Молчановке, и они встречались как старые друзья. В «Дневниках» А. Толстого часто можно встретить такую запись: «Был у Всеволода...». Встречался Толстой и с братьями Всеволода: Борисом, Александром и Михаилом – тоже друзьями юности. И об этом, как и о других их общих знакомых, есть записи в «Дневниках» Толстого 1917–1918 годов. Тогда же состоялась свадьба Толстого с Натальей Крандиевской, и Всеволод Мусин-Пушкин был на этом торжестве шафером.

Фотография этого времени чудом сохранилась. В те годы Всеволод уже доучивался в Катковском лицее в Москве. Потом, в первые годы после революции, познакомившись с поэтом Валерием Брюсовым, стал работать у него в Институте живого слова.

Но после возвращения Толстого из эмиграции что-то изменилось в отношениях бывших друзей, и когда граф Толстой стал «красным» графом, он ничего не сделал, чтобы помочь другу Севе, попавшему неожиданно в тюрьму. А Всеволода Юрьевича все 1920-е годы таскали по судам и тюрьмам, обвиняя в якобы присвоении денег Института слова. Обвинение было построено только на анонимках его бывших сослуживцев и «друзей-доброжелателей». В Бутырках ему пришлось посидеть не раз, что при его очень плохом здоровье только усугубляло по-

А.Е. Толстой сидит. Москва. 1917

ложению. Тюремная обстановка, в которую окунулся А.Е. Мусин-Пушкин, оказалась в нем далеко не оптимальной: много нелицеприятных для власти и власти сам выплеснул дядя Всева на страницы своего «Дневника». Вот лишь некоторые его высказывания:

«15 января 1928 г. Тюрьма. С каждым днем тяжелеет. Очень тяжело много народа, жутко смотреть на нас и слушать о том, за что их посадили в тюрьму. Тюрьма, настоящее сумасшествие. Когда к кто-то начнет бранить с ним и крикнет: „Довольно, довольно останавливай процессы только для того, чтобы спасти людей в тюрьмы“. Это – новое рабство: заключенных заставляют работать за гроши и получают от этого прибыль. Дико сознавать, что тюрьма дает прибыль. И поэтому: чем больше тюрем, тем больше прибыли. Рабовладельческое государство!».

«Два самых ужасных были в полузабытьи: то засыпая, то просыпаясь от боли в плечах и руках. Утром окончательно приходишь в себя: руки не действовали, пальцы еле шевелились. Пришел фельдшер и сказал, что видите врача нет, но что придет дежурный врач, специалист по легочным и ушным болезням. Этот врач даже осматривать меня не стал, а заявил, что меня отправят в тюремную больницу. Я пришел в ужас. Вспомнились тамошние порядки: отвратительное, хамское отношение администрации к больным, лечение в кавычках со стороны докторов, обращающих внимание не на болезнь, а на статью заключенного. Вспомнились рассказы больных из разных мест заключения о произволах, чинимых над ними, о позорных судах, об истязаниях в ГПУ и т.п. Нет, довольно, довольно! Ни видеть этого, ни слышать об этом я не могу, физически не могу!».

«Я необычайно устал от „тюремных“ разговоров, от всего того ужаса современной жизни, который выпирает из каждого рассказа и вызывает или тошноту от отвращения, или злобу, кружащую голову почти до потери сознания. У меня не осталось в запасе душевных сил, чтобы отнестись по-человечески к каждой жертве тупого и безграмотного произвола. Я не могу реагировать на отдельные случаи жестокости или издевательства – они уже обычны для меня: иного и ждать нельзя, – я не могу жалеть каждого в отдельности, – жалость заменилась проклятиями, которые сжимают сердце и мешают

дышать. Я физически болен от всего того, что слышу, вижу и читаю в газетах...».

«...А большинство культурных людей, томящихся в тюрьмах, ссылаемых в Соловки и беспощадно расстреливаемых? В чем наше преступление? Что мы должны были делать, чтобы избежать жестоких и бессмысленных репрессий? Например, я. Служил с 1918 года в должностях, требующих инициативы и заполняющих все время заботами по ответственной должности. Я для дела забывал о своей жизни. Меня ни разу не упрекнули в нерадивости, а, наоборот, признавали мои заслуги. Я не брал взяток, не растрачивал государственных денег, не злоупотреблял властью. В чем же я виноват?...».

Вс. Ю. Мусин-Пушкин. 1925

Когда заваривалась вся эта эпопея Всеволода Юрьевича с обвинениями и угрозами тюрьмой, он ждал помощи от А. Толстого, писал ему, хотя и не очень на него надеялся. В «Дневнике» Мусина-Пушкина есть такие отчаянные строки:

«14 сент. 1927 г. Алеша Толстой в Москве, но я не знаю, где он остановился. Мне не звонит, – верно, не хочет видеть. Как обидно и горько это! Более тридцати лет знакомы, столько пережито вместе, столько участия я принимал в Алешиной жизни, столько любви и внимания он видел от меня, а теперь, когда мне так трудно, когда я жду его участия, он не желает меня знать. Я узнал в театре Корша, что он приехал из Ленинграда, – значит, он получил мое письмо. Прямо не верится, что Алеша такой жестокосердечный. Слава съела его душу».

Но через три дня, за день до отправления Всеволода Юрьевича в тюрьму, встреча старых друзей все же состоялась. И что интересно – в это время в Москве готовили к постановке пьесу этого несчастного «эзэка». Сам он об этом так пишет:

«Уже к вечеру решил позвонить в театр Корша и узнать, где остановился А.Н. Толстой. Попал сразу на режиссера Верова, который сказал мне, что мою «Дракондую комнату» читает у них вся «верхушка»: директор, режиссер и артисты. Хотят ее ставить. Вот неожиданный успех! Узнав, что Алеша остановился в гостинице «Селект», позвонил туда и сразу же узнал: Алеша назначил мне свидание в ресторане «Барона» в 6 ч.в. Там мы просидели часа полтора. Он по-прежнему дружески ко мне расположен и готов помочь своими хлопотами и т.п. Как странно: когда он меня видит и, особенно, один на один (вернее,

без Наталии Васильевны), он делается прежним и близким. Письма же на него мало действуют... И так, завтра с утра в тюрьму».

Понятно, что в годы, когда охотились за всеми «бывшими», просить за них мало кто решался или хотел. Алеша Толстой ничем не помог. Не помогло даже обращение к наркому Луначарскому. А Всеволод Мусин-Пушкин, кроме всего прочего, был «лицеист», что только ухудшало его «рейтинг» в глазах властей. В семьях наших никогда об этом и не вспоминали. Как старались не вспоминать, что и тетя Шура, и тетя Анита, и их братья, в том числе и наш дед Иван Павлович, были «поповские дети» – родные дети протоиерея Клинского Троицкого собора, о. Павла Ивановича Воскресенского. Более того, после 1917 года надо было забыть о его существовании, а его фотографии в рясе подальше спрятать, а то и уничтожить, от греха подальше. Но кто теперь бросит в этих людей камень? Так жили многие... И все же некоторые документальные свидетельства о священнике Воскресенском нашлись в нашей семье.

Семья протоиерея П.И. Воскресенского.
Стоит – дочь Анна. Клин. 1912

Так, например, на чердаке дома в Соломенной Сторожке обнаружили старые открытки с любопытным адресом назначения: «Клин, Моск.губ., Воскресенским». Правда, один адрес был с уточнением: «г. Клин, Его Высокоблагословению Павлу Ивановичу, священнику Воскресенскому». И никакой улицы и номера дома! Это означало только одно: и Павла Ивановича, и его семью хорошо знали в Клину. Священствовал он в то время, когда в тех же краях жил и великий П.И. Чайковский. Можно предположить, что отец Павел Воскресенский мог быть свидетелем и участником многих городских событий, например, полета Менделеева на воздушном шаре в 1887 году. Вот и Чайковский, открывавший в 1886 году школу в Майданове, писал своему брату Модесту, что 20 января на открытие «благочинный приедет и другие почетные гости». А это значит, что благочинный Клина, священник Воскресенский вполне мог быть лично знаком с великим композитором. Петр Ильич часто посещал молебны в Троицком соборе и слушал там певчих. Из его «Дневников» видно, что со многими священниками и дьяконами он был хорошо знаком, встречался, беседовал, и они у него бывали по праздникам. А 30 апреля 1887 года Чайковский записал в дневник, что из Москвы до Клина ехал в одном купе с неким Воскресенским,